

*Мельков С.А. – докт. полит. наук, профессор
304304@mail.ru*

*Микрюков В.О. – канд. филос. наук, доцент
mikryukov.v.o@gmail.com*

Конспект-рецензия книги современного политического философа

Актуализация. Тема рецензируемой книги современного немецкого политического философа Х. Хофмайстера сегодня весьма и весьма актуальна.

Во-первых, современный мир стал менее предсказуем и более конфликтен на региональном уровне [2, С. 15]. Считается, что опасность войны на глобальном уровне понизилась, но в принципе эта опасность никуда не исчезла. Об этом четко, на основе серьезных исследований в конце 1990-х годов, писал, например, военный социолог профессор В.В. Серебрянников [3, С. 13, 16]. Мы с ним полностью согласны и видим, что количество конфликтов с применением военной силы в мире остается примерно одинаковым уже несколько десятков лет.

Во-вторых, участие россиян в боевых действиях на территории Украины и Сирии вновь актуализировало необходимость политико-управленческих прогнозов. Пока не очевидно, что наши граждане стали чувствительны к людским потерям в войнах и вооруженных конфликтах, скорее, патриотическая риторика пока оказывает на них большее воздействие. Однако есть надежда, что с движением в сторону политической демократии постепенно процесс либерализации массового политического сознания в России все же ускорится (надеемся, что сможет ускориться).

В-третьих, в настоящее время в нашей стране серьезная политическая аналитика сосредоточена, что называется, локализована – в органах государственной власти. Вопрос о том, насколько «современные фабрики мысли» обслуживают интересы НЕ бюрократии и НЕ спецслужб и НЕ правоохранительных органов – до сих пор вопрос открытый. Ведь никуда же не исчезло понимание политики «как действий, направленных на концентрацию силовых ресурсов и распоряжение ими для борьбы против конкурентов и достижения устойчивого господства» [4, С. 23].

В-четвертых, глобализация политических и экономических отношений многое в них изменяет, затушевывает, и, скорее всего, переворачивает местами причины, факторы, приоритеты и т.п. Думаем, не случайно американский политолог Дж. Най пишет: «... традиционная мудрость всегда гласила, что государство с более крупной армией преобладает, однако в информационный век выиграть может государство (или негосударственное образование) с наиболее выигрышным имиджем ... информационная революция и глобализация предоставляют дополнительные источники силы негосударственным участникам международных отношений» [8, С. 17].

И действительно, на примере глобализации современного терроризма, ставшего международным, мы видим рост могущества идей, а не только экономики и оружия. Полагаем, стоит прислушаться к мнению профессора Д.Л. Цыбакова из Орла, который пишет: «Идейный милитаризм», под которым мы понимаем «военизированное» измерение окружающего мира, оправдание воинственного курса – приобретает значение одного из ключевых факторов развития мирового сообщества» [9, С. 29].

В-пятых, институционализация и регулирование в информационном пространстве сегодня стали значительными факторами успешности и силы. Как пишет исследователь О.А. Судоргин: «Информационные технологии практически «вживляются» (как специально, так и естественным путем) в общественную ткань. В этих социумах Интернет становится общественным достоянием ... Он является системообразующим фактором для мировой информационной системы и выступает информационно-сетевым базисом информационного общества» [10, С. 99]. Мы с этим согласны и далее эту мысль развивать здесь не будем.

Проблематизация.

На наш взгляд, **проблему** данной статьи, скорее всего, можно сформулировать следующим образом: **пока не ясно, в каких взаимоотношениях находится между собой война и политика?** По всей видимости, отечественной гуманитарной науке и отечественной политической практике остро требуется серьезная политическая аналитика, которая позволит прогнозировать подготовку к Войне (не столько к воеванию, сколько к определенному состоянию общественных отношений). И в таком ключе очень полезной является книга Х. Хофмайстера «Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат». Одному из авторов (Мелькову С.А.) уже ранее в своем блоге на сайте информационно-аналитического журнала «Политическое образование» доводилось писать рецензию на эту книгу¹, но теперь мы совместно решили ее расширить, соединив с кратким конспектом, составленным еще в 2008 году.

В статье использованы такие методы исследования, как контент-анализ и логико-философский анализ.

Конспект рецензируемой книги с комментариями. Далее конспективно изложим некоторые мысли и идеи Х. Хофмайстера с краткими авторскими комментариями. В данной книге профессора Гейдельбергского университета сделана очередная попытка осмысления такого многоликого и трудноуловимого явления как война. Автор рецензируемой книги не пошел по проторенному пути, анализируя, как и многие другие мыслители, соотношение собственно военного и политического компонентов войны с целью выявления приоритетности одного над другим (так до Х. Хофмайстера поступали многие отечественные и зарубежные исследователи). Наоборот, для Х. Хофмайстера примат политики над воеванием является не просто принципом, а объектом исследования. И это нужно специально подчеркнуть в нашей рецензии.

Тщательно, пытливно современный немецкий философ заглядывает вглубь Политического (как явления) в войне, постоянно «по ходу книги» уточняя предмет своего анализа. И постепенно его формулирует достаточно, на первый взгляд, парадоксально: «Когда политика желает того, что не в ее власти, она жаждет войны, либо сознавая свою военную мощь, либо выказывая свое бессилие. Война как политика является не-политикой, престающей границы возможного». Получается, что по Х. Хофмайстеру война не просто политическое явление (что для современного исследователя в принципе звучит достаточно банально), а явление бессилия политики. Как это доказывает Х. Хофмайстер?

Х. Хофмайстер настаивает на том, что политически сильный противник действительно не нуждается в войне; он знает и иные, невоенные, способы достижения своей цели (в подтверждение этого мы в очередной раз можем сослаться на многочисленные научные труды Дж. Ная). Конечно, более сильной в политическом и военном отношении

¹ Краткая рецензия на книгу Х. Хофмайстера С.А. Мельковым была также опубликована в еженедельнике «Военно-промышленный курьер» [7].

стороне проще придумать повод и создать предпосылки к войне, чтобы таким образом навязать свою волю тому, кто расценивается как более слабый соперник. Не случайно Х. Хофмайстер в своей книге пишет: «Тезис Клаузевица о войне как инструменте остается справедливым до тех пор, пока грамматика войны не становится логикой политики. Он прав, что война чаще всего имеет политические – а это предполагает также и экономические – основания и что она не ведется из «одной лишь враждебности». Однако именно враждебность, на чем бы она ни основывалась, сопровождает любую военную борьбу, ведущуюся не на жизнь, а на смерть. Грамматика войны как логика политики – это логика деструкции, поскольку она есть логика политического бессилия. Поэтому не исключено, что именно враждебность приводит к тем соображениям, которые чреватой войной» [1, С. 110]. И далее: «Когда политика желает того, что не в ее власти, она жаждет войны, либо сознавая свою военную мощь, либо выказывая свое бессилие. Война как политика является не-политикой, преступающей границы возможного» [1, С. 115].

Но ведь современные войны начинают и ведут в основном государства либо протогосударственные образования. Поэтому Х. Хофмайстер в своей книге рассматривает цель создания государства и приходит к выводу о том, что его целью является мир (социальный, гражданский, политический и т.д.). Но поскольку полного мира не было никогда, то монополия на насилие, являющаяся общественным достоянием, передается властью (высшей властью? элитой?) в управление государству. Тот, кто обладает монополией на насилие, обладает и политической монополией выносить решения относительно того, ЧТО и КОГДА относить к компетенции отдельного человека. Вслед за Гоббсом Х. Хофмайстер полагает, что государство с течением времени становится все менее тотальным, то есть, оно старается демонстрировать свою власть так редко, как только возможно. Спорна ли эта мысль?

Да эта мысль, безусловно, спорна. Но при этом Х. Хофмайстер спорит и с Гоббсом, и с марксистами. Ведь Гоббс считал, что «...законно вести войну против врага, который представляет опасность для общины», а «...марксисты за войной признавали некий смысл в развитии истории». При этом Х. Хофмайстер полагает, что война всех против всех прекращается в пользу войны между народами и государствами. Государство, чья единственная задача – уберечь своих граждан от насильственной смерти (говоря современным языком – снизить степень конфликтности в обществе), ведет их именно на такую смерть. И в этом он видит существенное противоречие современной политики.

Х. Хофмайстер пишет: «По Гоббсу: либеральное государство – в отличие от тотального – старается демонстрировать свою власть так редко, как только возможно, что однако же не исключает того, что вместо открытой политической борьбы начинает свирепствовать борьба скрытая... тотальное государство перегибает палку, поскольку не просто полагает, что лучше знает, в чем состоит смысл жизни каждого отдельного человека, но даже и не задается вопросом о его потребностях» [1, С. 123]. И далее: «Политическая власть изначально была властью военной, и государство – это порождение той борьбы, что ведется не на жизнь, а на смерть» [1, С. 134]. В своей книге Х. Хофмайстер настаивает на том, что «Гоббс в соответствии с естественным правом считал законным вести войну против врага, который представляет опасность для общины. Он видит в войне средство даже в ситуации с перенаселением мира, правда, лишь как «самое последнее средство», ведь война заботится о всяком, давая ему победу или смерть. И марксизму мысль о войне как прогрессе была не чужда, а иные даже полагали, что за войной можно признать некий смысл в развитии истории» [1, С. 135].

Продолжим цитировать важнейшие мысли Х. Хофмайстера: ««Политическое бессилие – будь то сверхмогущество, будь то дефицит власти (то есть, не-власть) перед лицом власти противостоящей, пытающейся утвердиться как власть – является источником войны. От политического бессилия должно отличать бессилие военное, однако лишь политически бессильная власть является насильственной и деструктивной. Политически сильный противник не нуждается в войне; он знает и иные способы достижения своей цели. Военное безвластие может стать условием политического бессилия, но само оно не тождественно ему. Конечно, более сильной в политическом и военном отношении стороне проще придумать повод и создать предпосылки к войне, чтобы таким образом навязать свою волю тому, кто расценивается как более слабый соперник. Однако разыгрывание карты военного превосходства в любом случае является признаком политической слабости» [1, С. 116].

И далее: «Если мыслить философски, война возникает из двойной неспособности политики – неспособности нападения и неспособности защиты. Формы войны определяются внутренним дисбалансом, крайностями политики, превалированием бессилия над властью. Война есть выражение политического бессилия, причем представление-себя-этому-бессилию определяет род и масштаб деструктивности войны. Политика – это искусство возможного. Но война как инструмент является искусством того, что более невозможно для политики; она есть искусство невозможного. Вызов совершить невозможное обладает известным очарованием – и не только для политики, – поскольку превращение невозможного со всей его абстрактностью в нечто конкретное считается высочайшей формой свободы и творчества» [1, С. 118].

Как относиться к этим мыслям Х. Хофмайстера? Бессилие политики, согласно Х. Хофмайстеру, вовсе не означает анархии, а есть «неспособность к эффективному обращению с властью как политическим средством». Причем наиболее явно это бессилие демонстрируют именно сверхдержавы (самые сильные в политическом и военном отношении государства), для которых планомерное накопление военной мощи обернулось невозможностью предпринять хоть какие-то действия. Механизм осуществления власти не просто дает сбой, он давно сломался (причем, Х. Хофмайстер пишет об этом без использования кавычек) и, кажется, не подлежит восстановлению: когда чашу весов значительно перевешивает что-то одно из двух – единство или разделение, общность или борьба – политика исчезает. Следовательно, Война по-прежнему остается возможной, если мы не способны найти замены тем функциям, которые она, согласно Гегелю, выполняет.

Думается, мы далее можем вновь с удовольствием процитировать Х. Хофмайстера: «Если решения, которые не касаются общности, спокойно оставляют на субъективное усмотрение человека, полагаясь на его моральные убеждения, то это значит, что каждому отдельному человеку как индивидууму предоставляется шанс самому формировать свою – добровольно избираемую им – особость, прислушиваясь лишь к велениям собственной совести. Монополия же на насилие является общественным достоянием и передается в управление государству. Тот, кто обладает монополией на насилие, обладает и политической монополией выносить решения относительно того, что и когда относить к компетенции отдельного человека» [1, С. 122]. И с этим крайне сложно спорить. Далее Х. Хофмайстер пишет: «Война всех против всех прекращается в пользу войны между народами и государствами. Государство, чья единственная задача – уберечь своих граждан от насильственной смерти, ведет их именно на такую смерть» [1, С. 136].

«Присвоение войне «высокого значения», – пишет Х. Хофмайстер, – таит в себе опасность восприятия ее как средства, а тем самым упускается из виду, что именно на войне чуждость, вытекающая из различности и иницирующая политику, закрепляется и превращается в волю к уничтожению [1, С. 139]. Х. Хофмайстер уверен в том, что «И для Гоббса и для Гегеля война есть зло» [1, С. 140]. Не случайно Х. Хофмайстер пишет: «Государство ведет свое происхождение от военного насилия. Воля к власти породила его, работа придала ему вид, а дружба и любовь сделали его пригодным для проживания, притом что все это в значительной степени зависит от того, насколько удастся оттеснить насилие. Поскольку государство не только своими историческими корнями уходит в насилие, но и остается тесно с ним связанным в дальнейшем – уже в форме власти, оно никогда не будет способно избавиться от войны. Воля к власти – это также и воля к войне, и война остается возможной необходимостью даже тогда, когда разоблачается ее невозможность [1, С. 142].

Ранее мы уже отмечали: многие современные исследователи считают, что политическая деятельность произошла от военной деятельности [6]. То есть, борьба с войной, сводящаяся лишь к ликвидации ее проявлений и не учитывающая, что война есть выражение политического бессилия, делает вывод немецкий философ, подобна битве с гидрой, у которой на месте каждой отрубленной головы вырастают две новые. Война и ее причина неразрывны друг с другом. Исходящая от войны опасность запрещает воспринимать войну как политическую возможность, более того, она ставит перед необходимостью мыслить ее как невозможность.

Вместе с тем политике, по самой ее сути, свойственно делать ставку на будущее, а значит, на осмысленность своих действий. И в этом плане можно согласиться с Х. Хофмайстером в том, что война водворяет на место права насилие. Но если государство – это неизбежное зло, которое полностью победить невозможно, то выходит, рассуждает немецкий философ, нет никакой возможности устранить и причину войны. Марксистская утопия упразднения государства с целью устранения войны, пишет Х. Хофмайстер, выглядит в этом смысле совершенно логичной.

Конечно, политика не исчерпывается властью, и прежде всего властью военной: политике в той же мере присущи отказ использовать свою власть, соглашение и компромисс, считает немецкий философ. Но дальше в рецензируемой книге чувствуется совсем философский подход, ибо Х. Хофмайстер пишет: «Исходящая от войны опасность запрещает воспринимать войну как политическую возможность, более того, она ставит перед необходимостью мыслить ее как невозможность». Пожалуй, ни в политическом, ни в военном ключе эту мысль использовать вряд ли получится, да и современная мировая политическая практика свидетельствует, к сожалению, об обратном (см., например, актуальность в начале этой статьи-рецензии). Следовательно, пишет в комментарии к рецензируемой книге О. Коваль, война по-прежнему остается возможной, если мы, не способны найти замены тем функциям, которые она, согласно Гегелю, выполняет. С этим не поспоришь.

Автор рецензируемой книги рассматривает в тексте весьма и весьма любопытную диалектику политики и насилия. Политика – это искусство обращения с властью; не меч, а слово – орудие ее силы; с его помощью политика формирует совместную жизнь граждан. Но, «...будучи порождена насилием, она прячет за спиной меч, всегда готовая воспользоваться угрозой, – и в частности, угрозой применения насилия, – в деле проведения ее собственных требований и законов. Там, где политике недостает силы, где она не в состоянии осуществить свои угрозы, чтобы предотвратить направленное против нее насилие, там

системе правления, то есть государству, не хватает власти, узаконивающей обладание монополией на насилие. Подменяя слово физическим насилием, политика подходит к границам своих возможностей, но это отнюдь не возврат в до-политическое состояние».

По Х. Хофмайстеру, осознание того факта, что именно политика порождает войну, что война – это лишь обратная сторона политики, может стать первым шагом на пути предотвращения войны в будущем. С этим можно согласиться. Не только для предотвращения и ограничения войны должна будет политика употребить все имеющиеся в ее распоряжении средства, включая военные, – пишет Х. Хофмайстер. Он вновь и вновь в своей книге настаивает на том, что сама война – это не то средство, которым политика может распоряжаться по своему усмотрению, ибо война есть политическое бессилие.

В своей книге Х. Хофмайстер ссылается на мнение В. Ленина, который считал, что «политика породила войну» [1, С. 155]. Но при этом важно отметить, что, по мнению Х. Хофмайстера, «политика не исчерпывается действительностью власти, и прежде всего властью военной. Политике в той же мере присущи отказ использовать свою власть, соглашение и компромисс. Исходящая от войны опасность запрещает воспринимать войну как политическую возможность, более того, она ставит перед необходимостью мыслить ее как невозможность». И далее: «Нехватка осмысленной идейной ориентации, перед которой стоит политика, разлагающе сказывается как на самой политике, так и на государстве. Однако политике, по самой ее сути, свойственно делать ставку на будущее, а значит, на осмысленность своих действий» [1, С. 156]. И еще одна важная мысль: «Война водворяет на место права насилие» [1, С. 157].

По мнению Х. Хофмайстера, «... война – крах политики, провал попытки преобразовать насилие во власть. Мир же успешный – это результат политики, даже тогда, когда он является следствием войны, ведь отсутствие боевых действий еще не делает мира. Мир зиждется на переговорах; даже вынужденный мир, в отличие от мира террористического, несмотря на неравенство партнеров по власти, является миром политическим. Террористический мир – это выражение бессилия спорящих сторон; они убили бы друг друга, если бы могли» [1, С. 157]. Немецкий философ считает, что «... политический мир не является миром эсхатологическим (религиозное учение о конце света, судьбах мира и человека), который противоположен миру террористическому. Эсхатологический мир зависит от духовного перерождения; политический же напротив покоится на договоренности и взаимопонимании» [1, С. 159].

Эта мысль является важным моментом в рассуждениях Х. Хофмайстера. Полагаем, он в определенной степени продолжает идеи политического немецкого философа XX века К. Шмитта. Несмотря на то, что в основе Политического лежит вражда по линии Друг – Враг, как и К. Кмитт, Х. Хофмайстер настаивает на том, что только государство может удерживать в определенных границах это противостояние. Он пишет в рецензируемой книге: «... насилие, порождаемой самой политикой, не тождественно тому изначальному насилию, для укрощения которого якобы и была придумана политическая деятельность. В процессе своего огосударствления насилие претерпело качественные изменения. Собственно политические полномочия на власть оно легитимирует в своей деструктивности, подавая саму эту деструктивность как политическую силу. В соответствии с тем, что деструкция различается на политически выводимую из власти и ее усиления и ту, что производна от бессилия, существует различие и между типами войны» [1, С. 160].

Х. Хофмайстер считает, что «Война героическая является не борьбой между государствами, а в первую очередь столкновением между народами или сферами господства,

причем народы эти чаще всего находятся в процессе образования государственности. Форма ведения войны здесь еще в сильной степени определяется естественным насилием. Борьба здесь выступает как важнейшее проявление жизни государства. Борьба в этом случае есть важнейшая политическая добродетель, а политическая власть – это, прежде всего, власть военная. Решения принимались с помощью оружия» [1, С. 162].

«Война здесь, – пишет Х. Хофмайстер (видимо, имея в виду войну между народами), – без сомнения, не средство политики; она сама есть политика, ее грамматика и логика еще не разведены. Военная власть тождественна политической, король – военачальник, и едва ли можно провести различие между армией и народом. Поскольку источником подобного государства является данная форма войны, военное самоутверждение остается на этом историческом этапе главным критерием суверенитета государства. Когда власть произрастает из военного насилия, его отсутствие или отказ от него можно отождествить с политическим бессилием. Таким образом, военное насилие, которое пока еще не отличается от политической власти, нельзя рассматривать в отрыве от его цели, от его «ради-чего» [1, С. 163-164].

Но при этом, Х. Хофмайстер пишет, что «... имперская война – это уже война не между жизненными укладами, а между системами правления с различными порядками. Ее цель (которой она, кстати, не в состоянии достичь самостоятельно) – сохранить и приумножить власть, а соответственно уменьшить власть другого. Системы правления обладают властью, которой они вынуждены пользоваться, чтобы совсем ее не утратить. Ведь политика – это искусство обращения с властью. Не меч, а слово – орудие ее силы; с его помощью политика формирует совместную жизнь граждан. Но будучи порождена насилием, она прячет за спиной меч, всегда готовая воспользоваться угрозой, – и в частности, угрозой применения насилия, – в деле проведения ее собственных требований и законов. Там, где политике недостает силы, где она не в состоянии осуществить свои угрозы, чтобы предотвратить направленное против нее насилие, там системе правления, то есть государству, не хватает власти, узаконивающей обладание монополией на насилие. Подменяя слово физическим насилием, политика подходит к границам своих возможностей, но это отнюдь не возврат в до-политическое состояние [1, С. 166].

И далее Х. Хофмайстер про идеологические войны пишет: «В имперской войне готовность убивать продиктована притязанием на господство тех ценностей и норм, что установились в общественном порядке. Идеологические войны требуют не только господствовать над странами и людьми, но и управлять их убеждениями и верой. Они ведутся ради идей и разражаются там, где идеологиям недостает критического осмысления, где примитивные доктрины находят отклик благодаря риторическим эффектным лозунгам. Для ведущих такую войну речь не идет ни о них самих, ни о государстве, ни о народе; они воспринимают себя в качестве инструмента идей.

И хотя война остается выражением политики, но доминирование какого-то определенного образа мыслей или религиозных упований приводит к тому, что они становятся более приоритетными, нежели само политическое. Политическое инструментализируется и ставится на службу определенному видению будущего, в результате чего уже не вопрос о благе государства, а бессилие политики определяет войну. В данном случае она ведется в надежде придать смысл человеческому существованию, более того, этот тотальный смысл точно также, как и война, пытается провозгласить себя логикой политики. Особенностью идеологической войны является не то, что она руководствуется какой-либо идеей, а то, что толкование человеческого бытия на основании такой идеи не

ставит под сомнение истинность самой идеи, требуя для себя той власти, которая подобает истине [1, С. 170].

По мнению Х. Хофмайстера, «... в первую очередь – это холодная война. На такой войне, в самом деле, никто не сражается; она происходит скорее в головах идеологов, а не в действительности. Для нее все средства хороши; когда в ее распоряжении нет ничего, кроме бессилия, она мутирует в террористическую войну. Сущность такой войны – деструкция ради власти. Для террористической войны характерно то, что политическое бессилие в ней связано с бессилием военным» [1, С. 173].

Осознание того факта, что именно политика порождает войну, что война – это лишь обратная сторона политики, может стать первым шагом на пути предотвращения войны в будущем – эта пусть и не новая, но очень важная мысль Х. Хофмайстера. Не только для предотвращения и ограничения войны политика будет должна употребить все имеющиеся в ее распоряжении средства, включая военные. Сама война – это не то средство, которым политика может распоряжаться по своему усмотрению, ибо война есть политическое бессилие. Не случайно Х. Хофмайстер ссылается на мнение Шиллера, который сказал: «Да, пусть война скорей убьет войну! А иначе как нам добиться мира?» [1, С. 245].

Победив террористов, нельзя одержать победы над террором, над субъектом этой войны, ведь террористы лишь воплощают собой террор [1, С. 257]. Х. Хофмайстер полагает, что методы НАТО в Косово мало чем отличались от террористических, притом что военные действия велись отнюдь не против террористов. Если война – это бессилие политического, то терроризм, коль скоро он возникает из дефицита средств и возможностей, – это бессилие военного, то есть бессилие бессилия. Возможности терроризма ограничены: есть воля к войне, но нет достаточных средств для ведения полноценной войны. Сами террористы преследуют определенные политические цели. Их основная цель – власть. Но поскольку террористическая война может быть названа «войной» лишь с большими оговорками, она как таковая не преследует, а значит, и не решает никаких военных задач. Перед государством или коалицией государств, которые борются с террористами, тоже, следовательно, не может стоять сугубо военной задачи. Как правило, война против террористов, оборачивается войной против совершенно других людей.

И еще одна интересная мысль Х. Хофмайстера: «Террористическая война не является войной за пространство». В рецензируемой книге также есть совершенно замечательное, хотя и весьма дискуссионное приложение «Теория террористической войны». Терроризм, по Х. Хофмайстеру, коль скоро он возникает из дефицита средств и возможностей, – это бессилие военного. Возможности терроризма ограничены (именно с двумя буквами «н»): есть воля к войне, но нет достаточных средств для ведения полноценной войны. Сами террористы преследуют определенные политические цели. Их основная цель – власть. Но поскольку террористическая война может быть названа «войной» лишь с большими оговорками, она как таковая не преследует, а значит, и не решает никаких военных задач. Перед государством или коалицией государств, которые борются с террористами, тоже не может стоять сугубо военной задачи. Как правило, война против террористов, оборачивается войной против совершенно других людей. И с этим выводом трудно спорить.

Данная книга будет полезна при изучении таких учебных дисциплин, как «Политический процесс, управление и регулирование», «Аналитика», «Прогнозирование и планирование», «Военная политика», «Политика обороны и безопасности», «Политология», «История Отечества», «Военная история», «Общественная безопасность», «Политическая

безопасность», «Политика противодействия экстремизму», «Антитеррористическая политика».

В заключение мы все же порекомендуем прочесть данную книгу Х. Хофмайстера думающим людям. Ну а тем россиянам, кто считает, что основная задача государственной власти – всего лишь дать военным («людям в погонах») всё, что они сами посчитают нужным получить от общества в любых условиях – эта книга, пожалуй, будет совсем не интересна.

Литература

1. Хофмайстер Хаймо. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат / пер. с нем. и послесл. О.А. Коваль. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. – 288 с.
2. Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности / пер. с англ., отв. редакторы А. Дынкин, М. Барроуз. – М.: Магистр, 2016. – 196 с.
3. Серебрянников В.В. Социология войны. – М.: Научный мир, 1997. – 398 с.
4. Волков В.В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. – СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. – 352 с.
5. Мельков С.А. Что значит бессилие политики? [Электронный ресурс] // Политическое образование [сайт]. URL: <http://lawinrussia.ru/content/chto-znachit-bessilie-politiki> (дата обращения: 08.03.2017).
6. Кошкин А.П., Мельков С.А. Серьезный разговор о политическом феномене: исследование военной деятельности актуально как никогда [Электронный ресурс] // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2016. № 4 [сайт]. URL: http://gosreg.amchs.ru/pdf/files/18number/articles18/Mel'kov_Koshkin_18.pdf (дата обращения: 10.03.2017).
7. Мельков С.А. Война – бессилие политиков [Электронный ресурс] // Военно-промышленный курьер: Общероссийская национальная газета. 2007. № 9, 7 марта [сайт]. URL: <http://www.vpk-news.ru/articles/2499> (дата обращения: 18.03.2017).
8. Най С.Дж. (младший) Будущее власти / пер. с англ. В.Н. Верченко. – М.: АСТ, 2014. – 444 с.
9. Цыбаков Д.Л. Милитаризация международной политики: последствия для интересов и безопасности России: Монография / под ред. Р.А. Явчуновской. – М.: МАКС Пресс, 2012. – 236 с.